

Леса роняют желтую листву,
Рыдает небо, землю поливая.
Поля убрали. Лег работник под ботву,
И после многих весен лебедь умирает.

Теннисон

ЧАСТЬ I

Глава I

Обо всем договорились телеграммами: Джереми Пордейджу предстояло отыскать шофера-негра с гвоздикой в петлице серой форменной куртки, а негр будет высматривать англичанина средних лет, у которого в руках том стихов Вордсворта. Народу было полно, однако нашли они друг друга без труда.

— Вы от мистера Стойта?

— Сар? Мистер Пордейдж, сар?

Джереми кивнул, потянувшись к встречавшему — в одной руке Вордсворт, зонтик в другой, жест манекена, впавшего в самоуничужение: ему ведомо, как он несовершенен, как жалок и смешон, особенно в этом нелепом своем одеянии. «Незавидная внешность, — словно говорил он, — но вот я, уж каков есть». Профилактическое умаление собственной персоны, служившее формой самозащиты, давно вошло у него в привычку. Всегда выручает. Вдруг ему пришла неожиданная мысль. Он забеспокоился: а ну как на этом их демократичном Дальнем Западе принято подавать шоферу руку, тем более когда шофер из цветных, самый случай доказать, что никакой ты не сагиб, пусть твоей стране приходится волочь на себе Бремя Белых. Ладно, обойдется, решил он. Верней, вынужден был так решить, — вечная история, сказал он про себя, извлекая своего рода порочное наслажде-

ние, когда выпало лишний раз удостовериться в присутствующих ему недостатках. Пока он размышлял в таком духе, шофер снял кепи, поклонился, чуть пережимая в стараниях выглядеть настоящим черным слугой, какие водились в старину, и, обнажив в улыбке половину зубов, сказал:

— Милости просим в Лос-Анджелес, мистер Пордейдж, сэр! — А потом оставил актерство и, сменив интонацию, доверительно сообщил: — Я бы вас по голосу, мистер Пордейдж, узнал, даже без книжки этой.

Джереми засмеялся чуть смущенно. За неделю, что он провел в Америке, о голосе заставляли его вспоминать постоянно. Негромкий, мелодичный — так в английских храмах поют вечернюю молитву, — голос сразу выдавал в нем питомца колледжа Святой Троицы, окончившего Кембридж лет за десять до Большой войны. Дома никто не обращал внимания, как он звучит. И подшучивать по этому поводу, как посмеивался он, оберегая себя, над своей внешностью или, допустим, над тем, что стареет, Джереми никогда не приходило на ум. А здесь, в Америке, все по-другому. Стоит заказать кофе или спросить, где уборная (в этом странном государстве никто, правда, не говорит «уборная»), как на него тут же уставятся с насмешливым любопытством, словно он какая диковина, экспонат комнаты смеха. Ужасно неприятно, что и говорить.

— Куда же носильщик запропастился? — поспешил он сменить тему.

Через несколько минут тронулись в путь. Забывшись в уголок на заднем сиденье с надеждой, что шоферу теперь будет не до разговоров, Джереми Пордейдж отдался — как хорошо! — созерцанию. За ок-

нами машины проносилась Южная Калифорния; ну что же, присмотримся повнимательнее.

Первое, что он увидел, была трущоба, населенная африканцами и филиппинцами, мексиканцами, японцами. Боже, что за пестрота, что за сочетания черного, желтого, коричневого! Что за невероятные бастарды! А девчонки — какая прелесть, и все в платьях из искусственного шелка. «И негритянки в белом шелке до колен». Самая его любимая строчка в «Прелюдии»¹. Джереми улыбнулся. А трущоба осталась позади, и уже высились громады делового квартала.

Лица на улицах посветлели. Лавки виднелись на каждом углу. Мальчишки выкрикивали заголовки первой полосы: «Франко наступает на Барселону». Девушки на тротуарах почти все, казалось, нашептывают молитву, но, вскоре сообразил Джереми, не в созерцание они погружены, просто жуют не переставая. Резинка вместо Бога. Машина неожиданно нырнула в туннель и вылетела из него в другой мир — просторный, неприглаженный, мир пригородов, рекламных щитов, заправочных станций, низеньких домиков, укрывшихся в саду, пустырей, свалок, там и сям попадавшихся магазинчиков, контор, церквей: первометодистские, выстроенные — какой сюрприз! — в стиле гранадских Чертогов, католические — подражания Кентерберийскому собору, синагоги — имитация Айя-Софии, молельни последователей Христианской науки — эти украшены колоннами на цоколе, совсем как банк. Было раннее зимнее утро, но солнце сияло ослепительно — на небе ни об-

¹ «Прелюдия» — поэма У. Вордсворта (1805). — *Здесь и далее примечания переводчика.*

лачка. Машина катила к западу, и лучи, разгоравшиеся сзади, высвечивали, как прожектором, все эти здания, щиты, зазывные надписи — точно специально старались показать новому человеку, в каких местах он очутился.

ДАВАЙ ЗАКУСИМ! КОКТЕЙЛИ. НОЧЬЮ ТОЖЕ РАБОТАЕМ

ПИВО «ДЖУМБО»

ВКЛЮЧАЙ МОТОР, ПРОЕДЕШЬ ВСЮДУ! ЛУЧШИЙ БЕНЗИН «КОНСОЛЬ»

ПАНТЕОН «БЕВЕРЛИ». ПРЕКРАСНЫЕ ПОХОРОНЫ НЕДОРОГО

Машина неслась вниз, и посреди пустого поля мелькнул ресторан — дом в форме сидящего бульдога, вход между передними лапами, по яркому фонарю в обоих глазах.

«Зооморфизм, — неслышно пробормотал Джереми, и снова: — Зооморфизм». У него, ученого педанта, было пристрастие к таким словам. Бульдог сгинул в вечность.

АСТРОЛОГ, ВЫЧИСЛЯЮ СУДЬБУ, УГАДЫВАЮ ХАРАКТЕР

СВЕРНИ! ОРЕХОВЫЕ КОТЛЕТЫ — что это за штука? Попробует при первой же возможности, решил он. Порцию ореховых котлет и пиво «Джумбо».

ОСТАНОВИТЕСЬ! ЛУЧШИЙ БЕНЗИН «КОНСОЛЬ»

Шофер вдруг и правда остановился.

— Десять галлонов самого-самого, — сказал он; потом, повернувшись к Джереми, добавил: — Наша фирма. Мистера Стойта, то есть. Он президент, — и указал на щит, стоявший напротив.

«ЗАЙМЫ НАЛИЧНЫМИ. ОБСЛУЖИВАЕМ ЗА ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ, — прочел Джереми. — ГОРОД-

СКАЯ ФИНАНСОВАЯ КОРПОРАЦИЯ. СОВЕТЫ, ВЕДЕНИЕ ДЕЛ».

— И эта тоже наша, — с гордостью пояснил шофер.

Поехали дальше. С гигантского щита смотрело лицо красивой молодой женщины, омраченное, словно лик Магдалины, печалью. «ПРОЩАЙ, ЛЮБОВЬ! — гласила надпись. — НАУКА ДОКАЗАЛА: 73 ПРОЦЕНТА ВЗРОСЛЫХ СТРАДАЮТ КАРИЕСОМ».

В МИНУТУ СКОРБИ ПУСТЬ УТЕШИТ ВАС ПАНТЕОН «БЕВЕРЛИ»

ПОДТЯЖКА КОЖИ. ПЕРМАНЕНТ. МАНИКЮР. САЛОН КРАСОТЫ «У БЕТТИ»

Рядом с салоном красоты он заметил вывеску «Вестерн юнион»¹. Господи, чуть не забыл! Телеграмма матери... Джереми наклонился к шоферу и извиняющимся тоном, которым всегда разговаривал со слугами, попросил на минуту остановиться. Свернули к стоянке. Джереми вылез и с выражением озабоченности, написанным на невыразительном кроличьем лице, поспешил через улицу к телеграфу.

«Миссис Пордейдж, усадьба „Араукарии“, Уокинг, Англия», — писал он, улыбаясь, на бланке. Его всегда смешила изысканная абсурдность этого адреса. Араукарии в каком-то Уокинге. Когда было куплено это поместье, мать собиралась подобрать какое-нибудь другое название, — это уж слишком откровенно мещанское, получается юмор совсем в духе Хилэра Беллока². «Но в том весь шарм! — запротестовал он. — Это же очаровательно». И постарался убедить ее, что людям, как они, именно и подобает жить в усадьбе

¹ «Вестерн юнион» — телеграфная компания.

² Беллок, Хилэр (1870—1953) — английский романист, популярный у обывателей.

с таким именем. Восхитительный комический эффект от несоответствия названия усадьбы и характера ее обитателей! И есть некая прелестная, некая извращенная гармония в том, что старая приятельница Оскара Уайльда, язвительная, высокопросвещенная миссис Пордейдж сочиняет свои блестящие письма под сенью «Араукарий», что под этими же араукариями, чьи кроны украсили какой-то, прошу заметить, Уокинг, создаются труды, в которых ученость сдобрена вяловатым, но утонченным юмором, принесшим определенную репутацию ее сыну. Миссис Пордейдж сразу поняла, куда клонится его мысль. Хвала Всевышнему, нет нужды растолковывать ей, что да зачем. Можно просто намекнуть, небрежно оборвав фразу на полуслове, — она обязательно поймет. «Араукарии» так «Араукариями» и остались.

Написав адрес, Джереми помедлил, в задумчивости нахмурился и уже было воспроизвел знакомую картинку с покусыванием карандаша, однако оказалось, что этот карандаш увенчан латунным колпачком да к тому же закреплен цепочкой на стойке. «Миссис Пордейдж, усадьба „Араукарии“, Уокинг, Англия», — вслух прочел он в надежде, что эти слова подвигнут его сочинить текст корректный и безупречный, какого от него и ждала матушка, — одновременно ироничный и нежный, содержащий с юмором выраженное чувство настоящей преданности ей, признание материнского права им командовать и легкую насмешку над этими ее стремлениями, чтобы старушка могла успокоить совесть, сочтя сына совершенно свободным человеком, а саму себя кем угодно, только не тираном. Трудно все это выразить, особенно карандашом, закрепленным на цепочке. После нескольких неудачных попыток он удовольствовался вот этим по-

сланием, прекрасно понимая, что результат неудовлетворителен: «Субтропический климат позволяет нарушить зарок касательно белья тчк радовался бы твоему присутствию здесь ради меня тебе трудно достоинству оценить этот недоконченный Борнмут немислимых размеров тчк».

— Что недоконченный? — спросила девица, сидевшая за окошком.

— Б-о-р-н-м-у-т¹, — продиктовал Джереми. Он улыбнулся; за бифокальными стеклами очков моргнули голубые глаза, и движением совершенно неосознанным, автоматически повторяемым всякий раз, как рождалась одна из его шуточек, он прикоснулся к лысине на самой макушке. «Ну, вы знаете, — выговорил он с особенной мелодичностью, — слышали, наверное, есть такой мутный заливчик, куда ни один корабль не пристанет, разве что деваться будет некуда».

Девушка уставилась на него пустыми глазами, а затем, догадавшись по выражению лица Джереми, что было сказано нечто забавное, да вспомнив девиз «Вестерн юнион» — вежливость во всем, — одарила его ослепительной улыбкой, которой явно добивался старый болван, и дочитала: «Желаю приятных дней Гресе тчк нежно целую Джереми».

Стоила телеграмма недешево, но, к счастью, подумал он, убирая в карман бумажник, к счастью, мистер Стойт платит ему сверх всякой меры щедро. Контракт на три месяца, шесть тысяч долларов. Что с того, что потратился?

Он вернулся к машине, и снова покатили. Позади оставались миля за милей, а пригороды тянулись нескончаемо — домики, заправочные станции, пусты-

¹ Борнмут — курорт на южном побережье Англии.

ри, церкви, магазины. И слева, и справа до самого горизонта тянулись жилые кварталы, высились пальмы, перечные деревья, акации.

ОБЕД ПЕРВЫЙ КЛАСС, МОРОЖЕНОЕ КИЛОМЕТР ВЫСОТОЙ

**ХРИСТОС СПАСИТЕЛЬ
ГАМБУРГЕРЫ**

Зажегся красный сигнал светофора. К окну подбежал мальчишка с газетами. «Франко утверждает: „Большие успехи в Каталонии“» — прочел Джереми и отвернулся. Мир стал ужасен до такой степени, что ему это просто скучно. Из остановившегося перед ними автомобиля вышли две старухи с завитыми перманентом сединами, обе в штанишках малинового цвета, у каждой по йоркширскому терьеру на руках. Собак опустили на землю у светофора. Пока они раздумывали, воспользоваться ли предоставившимся удобством, вспыхнул зеленый свет. Негр включил первую скорость, машина покатила вперед, в будущее. Джереми думал о матери. Как на грех, у нее ведь тоже йоркширский терьер.

**ОТЛИЧНЫЕ ЛИКЕРЫ
СЭНДВИЧ С ИНДЕЙКОЙ**

**ПОМОЛИСЬ В ЦЕРКВИ — ДУШЕВНЫЙ ПОКОЙ
ВСЮ НЕДЕЛЮ**

ПРОЦВЕТАНИЕ БИЗНЕСА — ВАШЕ ПРОЦВЕТАНИЕ

Мелькнуло еще что-то зооморфное, на сей раз офис торговца недвижимостью, неотличимый от египетского сфинкса.

ИИСУС ПРИДЕТ СКОРО

ХОЧЕШЬ ОСТАТЬСЯ НАВСЕГДА ЮНОЙ? ЛИФЧИКИ «ТРИЛФОРМ»

ПАНТЕОН «БЕВЕРЛИ». КЛАДБИЩЕ НЕ КАК ДРУГИЕ

Негр, похожий на торжествующего Кота в сапогах, который похвастается сокровищами маркиза Карабаса, покосился через плечо на Джереми и, указывая на этот рекламный щит, сказал:

— Тоже наше!

— Вы о Пантеоне «Беверли»?

Шофер кивнул.

— Самое лучшее в мире кладбище, уж это точно, — сказал он и, с минуту помедлив, добавил: — Вам, наверно, посмотреть охота? Вообще-то нам по пути.

— Очень было бы любопытно, — ответил Джереми со всей своей английской воспитанностью. Потом, решив, что надо бы выразить испытываемые им чувства живее и демократичнее, откашлялся и, постаравшись, чтобы прозвучало совсем по-местному, выговорил: «Полный блеск». Произнесенная его кембриджским, в колледже Святой Троицы приобретенным выговором, фраза прозвучала до того ненатурально, что от смущения он чуть не залился румянцем. К счастью, шофер, слишком занятый маневрами на шоссе, ничего не заметил.

Свернули направо, во весь опор понеслись мимо молельни розенкрейцеров, ветеринарной лечебницы, еще одной больницы для кошек и собак, училища, где готовили барабанщиц для парадов; потом щит, и еще щит с рекламой Пантеона «Беверли». Когда по бульвару Сансет поехали влево, Джереми заметил девушку, которая шла за покупками в ртутного оттенка голубом купальнике без бретелек, — сверху был наброшен жакет из черного меха, волосы цвета платины. Но и она тут же исчезла, канув в вечность.

Теперь катили по дороге у подножия крутых холмов, и по обе стороны теснились маленькие, очевидно, дорогие магазинчики, ресторанчики, ночные клубы, — жалюзи опущены, пока не уйдет солнце, — офисы, виллы. А потом пропадали из виду, тоже становясь невозвратимыми. Дорожный знак оповещал, что миновали черту города Беверли-Хиллз. Пейзаж изменился. Дорога петляла среди садов, за которыми виднелись роскошные особняки. Сквозь деревья Джереми различал фасады домов — почти сплошь новых, почти неизменно свидетельствовавших, что архитекторы были люди со вкусом; элегантные, изящные подражания замкам, прославившим Лаченса¹, такие миниатюрные трианоны и монтичелло, легкомысленные пародии на Корбюзье с его громоздкими уютгами для жилья, полные фантазии мексиканские постройки, напоминавшие настоящие асьенды, или фермерские жилища — прямо Новая Англия.

Повернули направо. Шоссе шло под сенью гигантских пальм. Заросли пышной травой светились под солнцем красноватым отблеском. Виллы сменяли одна другую, словно павильоны на бесконечной международной выставке. За Глостерширом возникала Андалузия, в свою очередь уступая место Туреню и Оахаке, Дюссельдорфу и Массачусетсу.

— Тут Гарольд Ллойд живет, — сказал шофер, показывая на палаццо, точно бы перенесенное из садов Боболи². — Тут Чарли Чаплин. А вон там, видите? — там Пикфэр.

¹ Лаченс, Эдвин Ландсир (1864—1944) — английский зодчий.

² Боболи — вила и знаменитый парк на окраине Флоренции.

Дорога круто взмыла вверх. Через укутанную тенью впадину шофер указал на противоположном холме что-то наподобие покоев тибетского ламы.

— А это, сар, владение самой Джинджер Роджерс. Точно так, сар. — И, не отпуская руля, расплылся победительной улыбкой.

Еще шесть-семь поворотов, и автомобиль оказался на вершине. Внизу под ними простиралось ровное пространство, а город, видный отчетливо, как на карте, исчезал вдали, растворяясь в розоватой дымке.

Впереди и справа, и слева высились горы — хребет за хребтом, насколько видит глаз, этакая Шотландия, только обезвоженная и безлюдная, раскинувшаяся под голубым небом пустыни.

Обогнули оранжевого цвета уступ, и тут совершенно неожиданно открылась невидимая прежде скала, которую венчала электрическая надпись гигантскими буквами: «ПАНТЕОН „БЕВЕРЛИ“. КЛАДБИЩЕ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ», — неоновые трубки были высотой по шесть футов, а на самом гребне красовалась воспроизведенная в натуральную величину Пизанская башня, только она не падала.

— Видали? — спросил негр возбужденно. — Башня Воскресения. Двести тысяч долларов, вот она сколько стоила. Двести тысяч, сар, так-то. — В его голосе звучал неподдельный восторг. Оставалось заключить, что всю эту сумму он выложил из своего кармана.

Глава 2

Час спустя они двинулись дальше, успев осмотреть все. Абсолютно все. Сбегающие вниз лужайки, словно зеленые оазисы среди выжженных гор. Тенистые рощи. Памятники, высящиеся над травой. Участок для